

А. ТЫРКОВА

Промелькнувшая тень

В конце двадцатых годов минувшего столетия молодая экзальтированная московская барыня, Екатерина Дмитриевна Панова, написала своему знакомому, отставному гусарскому офицеру, письмо, полное страстной тревоги и мятежной тоски.

Она старалась убедить его, что нет ни капли притворства в ее тяготении к религиозным идеям.

«Когда я слушаю вас, я всегда верю», — писала она своему другу.

Это романтическое письмо, насыщенное той психологической напряженностью, которую много лет спустя выявил в своих героях Достоевский, не только любопытно как человеческий документ. Оно послужило толчком к очень значительному событию в истории развития русской культуры. Письмо было адресовано к одному из самых блестящих людей тогдашней России, отчасти даже учителю Пушкина, к П. Я. Чаадаеву.

Вероятно, было в Пановой что-нибудь значительное и глубокое, если этот мудрец и мечтатель не только часто бывал у нее в доме, — кто не бывает в доме, где хозяйка молода и красива? — но и старался заразить ее своими взглядами на самое близкое, самое для него важное — на католичество.

Именно в ответ на ее взволнованную, отрывистую записку написано было знаменитое «Философическое письмо», едкие слова которого упали, точно дрожжи, в сознание еще не многих тогда, думающих русских людей. Об этом письме Герцен вспоминал, как о ярком блеске молнии, прорезавшем темную ночь молчания и запуганности.

Конечно, те сложные, горькие мысли, которые высказал в нем П. Я. Чаадаев, искали только повода, чтобы вылиться в какую-нибудь форму.

Возможно, что Е. Д. Панова ни по уму, ни даже по напряженности внутренних переживаний не стоила того, чтобы стать таким поводом.

Хотя — кто знает. Может быть, она была одной из тех, навеки безвестных, чьи страстные озаренья помогают мыслителю и поэту близко заглянуть в творческий родник интуитивного понимания бытия.

И в единственном ее уцелевшем письме, а главное, в ответах, которые она давала в Московском губернском правлении, куда ее вызвали для освидетельствования ее умственных способностей, чувствуется какая-то подлинная духовность.

Историю с освидетельствованием затеял муж, игрок и мот, разоривший себя и жену. Ему почему-то захотелось от нее избавиться, и он прибег к этому способу, довольно в те времена распространенному.

Панову спросили в правлении, чтит ли она законы духовные и гражданские. Она ответила: «В законах гражданских я как республиканка, по религии я так же исповедую законы духовные, как и вы все, господа, а когда была польская война, то я молилась Богу, чтобы Он полякам ниспослал победу».

Чиновники, конечно, напомнили ей, что, как русская, она должна была бы молиться за русских.

«Молилась за поляков, потому что они сражались за вольность», — ответила молодая женщина.

Можно себе представить, какое впечатление произвели эти дерзкие слова, произнесенные в царствование Николая, перед лицом бюрократической коллегии. Немудрено, что они поскорее запрятали республиканку в сумасшедший дом, тем более, что она сама призналась, что нервы у нее очень раздражительны, что она дрожит «до иступления, а особенно, когда меня начинают бить и вязать». М. О. Гершензон, биограф Чаадаева, не нашел больше никаких сведений об этой женщине, которой жизнь послала и великое счастье краткой дружбы с одним из самых выдающихся людей своей эпохи, и великое бедствие постоянного изнурительного одиночества. Ведь большинство кругом нее жило, как Фамусовы и Скалозубы. Какое им было дело до метаний и исканий этого *bas bleu**, как презрительно обозвал ее другой друг Пушкина, Соболевский?

Теперь один из сотрудников «Голоса Москвы», талантливый автор маленьких беллетристических рассказов, Н. Вильде, написал свои детские отрывочные воспоминания об этой загадоч-

* синий чулок (фр.). — *Примеч. сост.*

ной женщине. Если это не беллетристика, а подлинная жизнь, то приходится признать, что корреспондентка автора «Философических писем» была отмечена трагическим знаком и что судьба до конца не щадила ее.

Н. Вильде вспоминает, что в родовом имении его деда, Улыбышева, в старой дворовой избе жила безногая жалкая старуха, на которую дети поглядывали с любопытством и страхом. Улыбышева, хозяйка усадьбы, презрительно называла свою жилищу «философкой» и «просто сумасшедшей».

«Эта старая безногая “философка” — корреспондентка Чаадаева, Екатерина Дмитриевна Панова, урожденная Улыбышева, родная сестра моего деда.

Ребенком я не мог разобраться в том, что происходит вокруг меня в отношениях больших. Но я знаю, что старуха-“философка” нежданно очутилась в усадьбе, где мы гостим каждое лето с матерью, что приехала эта “философка” в простой телеге, нуждаясь заплатить извозчику, что она, безногая, с костылями, чуть ли не становилась на колени перед моей бабкой, Варварой Александровной, вдовой ее брата и владелицей имения, прося ее в чем-то ее простить и прося пристанища».

Ее презрительно простили, из милости дали угол, из милости посылали обед с барского стола. Некоторые члены семьи относились к ней с мимолетным состраданием, но и для них она была чужой и далекой.

Потом она исчезла из усадьбы. Когда и как и где она умерла, об этом не сохранилось в семье даже воспоминаний. Для них ведь она была только жалкая калека, полусумасшедшая приживалка, которая, быть может, все еще шамкала беззубым ртом какие-нибудь свободолобивые слова, когда-то сказанные ей Чаадаевым, раздражая и пугая ими свою высокомерную благодетельницу.

Но есть что-то жуткое, какая-то злая издевка судьбы в жизни этой недолгой вдохновительницы одного из самых глубоких мыслителей, перед духовной мощью которого, по словам его биографа, склонялись и Пушкин, и Хомяков, и Герцен, и Тютчев.

